

NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр.14-16

**УВИДЕТЬ
СОЛНЫШКО...**

стр. 9-11

Бульварные новости

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№24 (105)
ИЮНЬ 2022

стр. 6-8

**ДОРОГИ, КОТОРЫМИ
МЫ ВЫБИРАЛИСЬ**

**ПОЛАНСКИ, ГОРОВИЦ.
ВОЗВРАЩЕНИЕ...**

стр. 4-5

УВИДЕТЬ СОЛНЫШКО...

Геннадий Норд

В сердцах всех, кто его знал, будет жить память об этом человеке. Наши общения вспоминаются с особым чувством.

А драматики с художествами будут склоняться к его героям в фильмах «Кропотская актриса», «Каролинские розы», «Миргород и его обитатели», «Сибиряда», «Экзотик», «Любить по-русски», «Приказ: первая граница», «Сердце волка», «Гудок», «Хуско» и многих других.

Галантный человек, воистину из родной и ведущий артист Магнитогорской, почётный член Союза писателей Свердловской Америки Александр Павлович. В 2014 году он ушел из жизни с замигравшим краем. Хорошо, что у меня остались запись и фотографии, и короткий беседа.

— Твои персонажи на сцене и на экране то поклонительные, то отрицательные. Когда играть интереснее?

— Любимые, а значит, и самые интересные. Красивые — потому что натуры цыганки, смельчаки обладатели душевного здоровья и жизнелюбия.

— Как в ставшем уже культовым «Экипаже»?

— И я там также. Роль моя там небольшая, за неё не менее существенные для раскрытия очень важной мысли: в жизни важно не только найти свою единственную любовь, но и понять и того единственного человека, с которым легче и радостнее жить по жизни.

— А в жизни ты похож на этого героя?

— Скорее нет, чем да. Он слишком однозначный. Слишком бытовой, что ли... Моя жизнь складывалась не беззабочно, поэтому, наверное, склонен к сомнениям, к размышлениям, философствованиям, если хочешь. Для меня важно не только душевное равновесие, тем не менее я люблю кардинально менять жизнь. Как у героя Толи Васильева в этой картине, — пытаясь Неволинка.

— И все-таки чем тебе нравится театр?

— Театр мне нравится тем, что здесь не обманываешь. В кино еще можно проскочить на голой технике, а на сцене, если у тебя нету пустоты, ты ничего не сыграешь.

— Где везло с ролеми?

— Граждане ходят в театре, да и в кино тоже: «Кропотинская актриса», «Бернисса», «Любовь земная», «Экзотик»...

Хотя в кино мне повезло все-таки меньше. Сам виноват! Ведь там я только деньги зарабатывал и не стремился сидеть на по-настоящему великом фильме. Мой учитель в Школьном училище — Анатолий Валентинович Соловьев, студентом, что кино — это капитал. А вот театр — это искусство, храм. Я отказался сниматься у Лысырева, потому что в это время в театре игран в массовике «Макбет». Пырьев — в то время визитная карточка на Мосфильме, конечно же, рассыпался: «Вот это вообще не пускать на кинопроцесс!»

— А в «Сибиряде» ты сыграл роль Шурка в «Кавказской пленнице». Нуужно было ехать на съемки. А я это время с молодой женой выяснял отношения и давал телеграммы: «Буду через два дня-

За меня прислали директора. Я сказал: «Погодите! И зарубите это на бумаге: никто мне не звонит, никому я не нужен. Решите: «Ну, и хрен с вами, у меня еще хрен сколько будет всего». Конечно, когда вышел фильм с Демьяненко, я понял, от чего отказался.

— Ты говоришь, что тебе Виталий Соловмин урок преподал, как надо себя вести с режиссерами?

— Да, да. Всё тот же режиссерский урок: для меня на роль Николая Устюжанина в «Сибиряде». Одна из главных ролей. Он сказал: «Я тебя даже пробовать не буду. Но попрошу подыграть другим

артистам. Я думал, согласился. Ну как же — сам Кончаловский просит! Он говорит: «Ты должен сыграть дрожки нации». Совершенно забыл, что голову этим дрожками.

— И как ты справился с ними?

— Вначале роль, вроде, klarissima, а потом я начал понимать, что я что-то делаю, тем хуже у меня получается. Я все монологи и монологи понимал, что делаю, совсем запутался. Сидим как-то у Андриона дома — мы там репетировали, я пью его французский коньяк, и вдруг звонок в дверь. Андрон пошел открывать, а я слышу до боли знакомый голос Виталия Соловмина: «Зачем думаете, он погиб? Ухо двери трещит и скрипит, так и есть. Андрон ему предлагает мою роль, чтобы гостить с своими любимыми дрожжами нации. Расстроился я, конечно, понял, что на мне уже крест поставлен.

— То есть Соловмин отбрыкал роль?

— Знаешь, как он повел себя? Вот где мне урок был! Соловмин говорит: «Знаете, Андрон Сергеевич, я буду у вас работать, я буду у вас жить, я буду у вас писать, никому я не нужен. Ни хрена не смыслится у Сибири-то бывалъ? Узи где родились? В Сибири-то бывалъ?». Андрон потягивается: «Я ездил, я был...». «Ни хрена же не писал и сидел, там и есть». Андрон ему предлагает свою роль, чтобы гостить с своими любимыми дрожжами нации. Расстроился я, конечно, понял, что на мне уже крест поставлен.

— Ты говоришь, что тебе Виталий Соловмин урок преподал, как надо себя вести с режиссерами?

— Да, да. Всё тот же режиссерский урок: для меня на роль Николая Устюжанина в «Сибиряде». Одна из главных ролей. Он сказал: «Я тебя даже пробовать не буду. Но попрошу подыграть другим

— Ты говоришь, что тебе Виталий Соловмин урок преподал, как надо себя вести с режиссерами?

— Да, да. Всё тот же режиссерский урок:

С Натальей, любовь к которой пронес через десятилетия

С Самсоном Устрыцоном

— Да, только мне доставалась роль по-меньше, и играла я человека по фамилии Соломин.

Виталий вообще был удивительным человеком. Другого такого дура и партнера у меня, пожалуй, и не было. Со-ломин умел всем сплотить. Устраивал праздники, собирая друзей, тратил сколько мог. Но Виталий всегда что-то бурлило, с ним было безумно интересно работать. Талант! Соломин учился на курс младше меня, и мы тогда сдружились.

— Я знаю, ты ему помогал в трудное для него время.

— Так получилось, что я оказался по-священ в некоторые подробности его работы, и я помогал ему в этом. Была одна роль, в которой он был членом Совета прокуроров СССР, семья жила в циклорамной квартире на улице Горького. После развода Наташи лапа сказал: «Виталик, сам понимаешь, что ты здесь жить не будешь». Прописан, не прописан — не важно. Это наша квартира. Но и Наташа здесь жить тоже больше не будет. Будь любезен, позабыться о своем бышем жене, дай ей право вступить в кооператив, а твою оплати».

— И он оплатил?

— Виталий купил Наташе квартиру. Сам два года жил в общежитии, мотаясь по знакомым, у меня ночевал много раз. Но это сделал, потому что не хотел оставаться в долгу.

Помнишь, Виталий как-то сказал: «Я про-жил вчера, сейчас я не знаю, чем кор-мить завтра».

— Работал, на износ. Вот сердце и не выдержало.

— Он много снимался, играл и ставил спектакли в Малом, ездил по стране с антре-предками. Однажды был на съемках в Риге и вечером опоздал на московский поезд. Но надо ходь — на другой день у него спектакль «Свадьба Кречинского». Сидел в вагоне поезда на мосту. Он всю ночь громко на зал драмы спирался. Утром пришел во ВГИК, где мы тогда преподавали вместе. На нем лица не было. Говорят: «Сейчас посплю немного здесь за кулисами и давайте заниматься» — «Какие занятия? Езжай домой, у тебя же ве-чером «Кречинский»». — Уехал. Но во время спектакля у него случился ин-сульт, после которого он уже не от-правился. Однажды я увидел его на улице ушел так рано, из него начал получаться большой режиссер. Замени ему так и не нашлось. Для меня, во всяком слу-чае. Он был моим другом.

— Как ты оказался в Голливуде?

— В 1989 году меня пригласили на главную роль в советско-американском фильме «Пленник земли». В Рос-сии фильм не показывали, но в Голливуде основным работодателем стала Алиса. Вторую главную роль играл известный американский актер Сэм Уотерстон, а я, в эпизо-де также Дробе Диро сыпал. Я потом бил у него в гостях и очень удивился, увидев у него на стене портрет Станиславского. Подумал тогда: «Интересно, у кого из наших актеров висят портреты Константина Сергеевича?»

— И ты бросил театр?

— Бросил театр — Америка! Я напи-вал на все, со скандалом ушел из театра и поехал. Но, видно, не рассчитал свои силы. Эзим, Альякс, мороз, съемки сложные. Я учил свою роль на английском языке, слова произносили с вариар-ским русским акцентом.

— Нервничал?

— Еще как! Да еще все время один. Общаться мне там было не с кем. Тяжело. И вот моя организм начал под-сказывать, что я переутомился. Чувствовал себя странно. В одном эпизоде мне нужно было спрыгнуть с вертолета, потом еще идти по глубокому снегу — я стал задыхаться. Надо было сразу же об-ратиться к врачу, но я подумал: «Вытьюко-ворою водки, отдохнешь».

— И ты бросил театр?

— Правда, на съемках у меня случился спазм сосудов, я потерял сознание. Ин-фаркт, причем, тяжелейший. Первое, что я увидел, открыл глаза, лицо стра-хового агента. Он чуть ли не обнимал меня, пытаясь понять, не присоединилась ли я. Медицинская страховка-то огромная! Перед поездкой в США я трижды прошел медицинское обследование,

даже в американском посольстве. Иначе не застраховались...

Кстати, почти неделю, пока я восста-новлялся, в эту же самую группу ждала меня — простой был полностью оплачен страховой компанией.

— А фильм досняли?

— Да. Я даже попал с ним на Каннский фестиваль.

Помню, в американской больнице, где меня откладывали, врач сказал: «Очень необычный случай. Инфаркт быть может, но быть может, Вам пытается помочь, мы проверим ваши сосуды она в при-личном состоянии». Значит, что стрес-Вы женились? Какие у вас отношения с же-ней?»

Отвечал: «Как у всех, сложные».

И тогда он счел плюсом к плохому: говорит: «Немедленно разводитесь с этой жен-щиной».

Удивился: «Как? У нас есть, что то-ко-ративная квартира. Вы знаете, что это такое?»

Он: «Хотите жить — разводитесь».

— Ты понял, что американец прав?

— Это я понимал. Любось дается один раз, а все остальное — компромисс. Мы все делаем ошибки, иногда глобаль-ные.

Первый раз я женился рано. Мож-но сказать, что из жалости. Хотя Лю-ди говорят: «Любовь — это не болезнь, это ви-шука». Но она иконогород, в Москве ей жилось трудно. Я думал, что буду ей поддерживать. Она мне спрашивала: «Почему ты стал артистом?» Я говорил: «Потому, что артистам не надо рано вставать. Выспался, спокойно сделал зарядку и зашел на работу. Она: «Ты ничего не понимаешь. У нас в Астрахани все трудно живут, и я хочу стать артист-

кой, чтобы нести людям прекрасное».

И я ее уважал за эти мысли. Правда, потом понял, чтобы «нести людям прекрасное», первое, что тебе нужно про-йт — и стоять скучать в зале зрителе-го, только тогда ты будешь чего-то сто-ить.

Семьи у нас не получилось — Люда стала смотреть на сторону, да и я туда поглядывал.

— А вторая жена?

— Она окончила Варшавский уни-верситет, филологический факультет, ра-ботала в журнале передачи. Мы, с огом-ми занимались двуми сыновьями. Но любовь — это же что-то другое! Я не мог, не хотел оставлять детей, хотя давно понял, что наш брак несчастливый. Кто бы и что ни говорил, дети, выросшие в полной семье, счастьем по-другому чувствуют себя в жизни.

— Чего достигли дети?

— Отец — ресторатор, восстанавливает внутреннее убранство цирка. А младший Володя получил юридическое образование. Но государ-ственной службы. У Сергея четверо де-тей, у Володи — двое.

Дети выросли, и я решил, что имею право на счастье. И развелся с женой. Просто разорвал ее одним махом, хотя давал ей время, чтобы она соображала, что мне не нравит-ся как мы живем.

— Ты женился в третий раз.

— Я женился на женщине, на которой мог жениться много лет назад. Но это-го не сделано. Наверное, был пересчур меркнавший, хотя и без благородства не обошлось. Наташа была тогда женой моего друга.

И я думал: «Как я могу свое-му товарищу сделать такую подость?»

С Юрием Стояновым

Да никогда в жизни».

Наташа воспитала дочь. А я думал: «Зачем мне чужой ребенок? У меня будут свои дети». В результате она все равно развелась. Мы встречались, об-ращались и оба понимали, что глупо как-то получается.

— Тебе не говорили, что ты сошел с ума?

— Говорили: «Как это в семьдесят лет все поменяется? Ты ума сошел».

А для чего тогда жить? Чтобы зарабатывать деньги? Или чтобы существовать? Жить надо для чего-то прекрасного. Не знаю, может, я и выкинувший из ума? Мне кажется, что нет, потому что я ощущаю себя счастливым!

— Твой отец — геройский челов-ек?

— Да и я чай было не стоял воен-летчиком, как мой отец. Он у меня по-трясавшийся был человек. Генерал-лейтенант авиации. Воевал в Испании. Имел три ордена Ленина. Героями дали из-за ареста. Взяли в 37-м году. Тогда раскурочивалось дело Тухачевского, к которому он никакого отношения не имел, но покончил с собой.

— Пытками?

— Изощренных пыток от отца не применили. Он рассказывал: «А кому там было пытать?» Меня допрашивали деревенские мальчишки, которые менялись каждые два месяца. Ну, ударят, водой обойдут. А чего я быть-то, в этих были. Но не покончил, уродом не сделали».

— Отца целиком убили?

— Он умер, чтобы не умереть в защи-ту обиженных или против них — меша-ту ЕКБД его единомышленников. Поэтому из-за дня в день он твердил одно: «Я ничего не знаю». И это работало. Его остави-ли в покою. Последние восемь месяцев даже не вызывали на допросы. Сколько он всего передумал и что чувствовал, судя на Любянке, это другой вопрос. Ни однажды не приходил в его камеры следователь. Но однажды, в самый конец, когда я его видел, ему сказали: «С вещами на корабль, и мы выбросим». Молча прошли коридорами и выставили на улицу: «Последний отход!» И он пешком отправился домой.

— Тебе отец эту историю еще в дет-стве рассказывал?

— Нет. Я узнал про это уже будучи взрослым. Но зато проклини поми-тайский эпизод. В конце сороковых из Ери-мана в Краснодаре его выслали в Краснодар. Пришли все ее однодельцы и заслуги. Ка-ждое утро в часе четырех к нам явля-лись участковые и арестовывали бабушку за нарушение паспортного режима. Ее сажали в отделение, а в два часа дня выпускали. Бабушка возвращалась до-мой, а утром все повторялось.

— Во времена войны он комендантской пол-ком был также ранен, после госпиталя хорон на костях. Но так как он успел окончить Академию имени Жуковского, его направили в УФУ главным инжене-ром завода, где делали «Ил-2».

Отец много интересного рассказывал об этом периоде. Одна история особен-но запала мне в душу. Руководство завода выслало в Москву Юрия Стоянова. Были какие-то проблемы на производстве. Подготовились, собрали чертежи, сели в самолет. А холод был страшный, салон не отапливается, только вдоль фюзеляжа идет горячая труба. На нее и пристроили чертежи. Но когда привели в Моск-ву, увидели, что чертежи испорчены — из-за перепада температур, поплы-ли на концах. И Юрий Стоянов, который не знал, что делать, спас ситуацию. Он только представил себе, как без чертежей будет стоять перед товарищем Стояновым, и от страха у него случился инфаркт. Мой отец оказался покрепче. Поехав в Кремль, прошел там сумки в ожидании приема у вождя. А потом ему сказали: «Вы свободны. Необходимость в беседе отпала».

— М родился в июне 41-го?

— Да, в июне 41-го. Я родился в блокаде. Знаю, что год мы прожили в эвакуации в Уфе. Потом отца перевели в Главное управ-ление авиации, и мы вернулись в Москву.

А мой старший брат Володя потерпел в первые дни войны. Его вместе с дет-ским садом вывезли, а куда — неизвест-

